

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМ В ИНСТИТУТЕ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

НОВРУЗОВ Вугар Шахмар Оглы,

доктор права

ГУМБАТОВ Эльнур Акиф Оглы,

Санкт-петербургский государственный университет, юридический факультет, аспирант 3 курса
кафедры теории и истории государства и права

SUMMARY

The article is devoted to study the freedom of movement as a law institute. It says that institute of freedom of movement includes norms from different branches of law. The principal are international legal norms and constitutional legal norms. Special attention is given to the relation between these norms from the standpoint of legal force.

Keywords: the freedom of movement, the institute of freedom of movement, international legal norms, constitutional legal norms.

Статья посвящена анализу свободы передвижения как правового института. Авторы подчеркивают, что институту свободы передвижения присущ межотраслевой характер, т.е. он включает в себя нормы самой различной отраслевой принадлежности. При этом нормативное ядро рассматриваемого института образуют международно-правовые и конституционно-правовые нормы. Особое внимание авторы уделяют анализу соотношения между этими нормами с точки зрения их юридической силы.

Ключевые слова: свобода передвижения, институт свободы передвижения, международно-правовые и конституционно-правовые нормы.

Постановка проблемы. С научной точки зрения свобода передвижения является правовым институтом, которому, как и всем правовым институтам, присущи комплексность, интегративность, и межотраслевой характер. Объективная потребность в признании и защите свободы передвижения, естественно присущей всякому человеку, требует закрепления данного права в общеобязательных нормах, причем, учитывая универсальный характер соответствующего субъективного права, указанные нормы входят в состав не только внутригосударственного, но и международного права. В этой связи приобретает особое значение проблема соотношения внутригосударственных и международно-правовых норм в институте свободы передвижения.

Актуальность темы. Институт свободы передвижения является сегодня весьма актуальным и важным для современного человека и гражданина. Это подтверждается тем, что между демократией, предполагающей в числе прочего приоритет прав и свобод человека, и свободой передвижения, принадлежащей каждому человеку, существует тесная связь. В са-

мом деле, построение открытого гражданского общества, основанного на свободе всех его членов, невозможно без признания и последовательной реализации свободы передвижения, которая, как представляется, принадлежит, наряду с правом частной собственности, к числу краеугольных камней, на которых базируется демократия и свобода в современном мире.

Институт свободы передвижения включает в себя нормы самой различной отраслевой принадлежности. При этом нормативное ядро рассматриваемого института образуют международно-правовые и конституционно-правовые нормы. В данной связи возникает вопрос об их соотношении по юридической силе, в настоящее время не имеющий вполне удовлетворительного решения.

Целью данной публикации является изучение и анализ соотношения международно-правовых и внутригосударственных норм в институте свободы передвижения.

Изложение основного материала. Свобода передвижения как субъективное право зарождается в России еще в средние века, генетически коренясь в той естественной свободе, которой человек обладает как биосоциальное существо, но формирование и

развитие соответствующего института объективного права происходило замедленными темпами.

Это обусловлено действием целого ряда социально-экономических и политико-правовых факторов, тормозивших эволюцию нормативного компонента права на свободу передвижения. К числу таких факторов следует отнести, во-первых, характерное для всего восточноевропейского региона длительное господство феодально-крепостнических отношений, окончательно вытесненных капиталистическим укладом с присущей тому мобильностью (как вертикальной, так и горизонтальной) членов общества лишь к концу XIX в [1].

Вторым фактором, негативно влиявшим на развитие института свободы передвижения в российском законодательстве, являлось политическое устройство российского государства, в котором слабые демократические тенденции, присущие вечевым институтам торговых республик Северо-Западной Руси (Новгородской и Псковской) [2], были, в процессе формирования абсолютистской государственности, практически полностью подавлены и вытеснены авторитарно-бюрократической системой, подчинившей себе общественную жизнь во всех ее проявлениях [3]. Как следствие, любые попытки тех или иных индивидов и социальных групп реализовать принадлежащую им естественную свободу передвижения (например, казачьи движения, достигшие своей наивысшей точки в XVI – XVII вв. и приведшие в конечном итоге к образованию казачьих государств в южном и юго-западном приграничьи Рос-

сии [4]), сталкиваясь с установленными на законодательном уровне запретами, вытеснялись в сферу недозволенного поведения, что влекло за собой маргинализацию как самого соответствующего поведения, так и его носителей [5].

Наконец, третьим фактором, тесно связанным с двумя предыдущими и в значительной мере обусловленным ими, явился правовой нигилизм [6], присущий традиционному российскому обществу и вытекавший из высокого уровня существовавшей в нем социальной и политической несвободы [7]. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения А.Э. Чернокова, по словам которого: «Постоянное давление государственной власти на различные социальные группы, их частичная или полная маргинализация могли привести только к формированию негативного образа права, исходящего от официальных учреждений. Карательная составляющая формирующейся (в XVIII веке, – Э.Г.) новой правовой системы объективно не способствовала росту правосознания и укреплению законности» [8].

Такое нигилистическое отношение к праву (в том числе и к праву на свободу передвижения) на субъективно-правовом уровне не могло не порождать различного рода злоупотребления им, что, в свою очередь, вызывало ответную реакцию со стороны государства, введшего все новые и новые запреты. Кроме того, неразвитость российского правосознания не способствовала возникновению совокупности общих норм, которые бы закрепляли в себе единое и равное для всех право на свободу передвижения. Вместо этого, как

мы видели, долгое время существовало множество правовых привилегий, ставивших возможность свободно передвигаться в прямую зависимость от сословного положения лица.

Указанная особенность традиционного российского правосознания была отмечена, в частности, Б.Н. Мироновым, по словам которого: «Понятие общей, абстрактной, формально выраженной правовой нормы ... было развито весьма слабо: такое понятие противоречило чувству конкретного, характерному для неграмотных и малограмотных людей. Каждый случай имел свое обоснование и специфику, и невозможно было подобрать к нему готовое решение. Поэтому абстрактные, оторванные от конкретных условий правила и принципы, ... не применялись» [9].

В результате институт права на свободу передвижения в российском законодательстве складывается лишь к началу XX столетия, причем его дальнейшее развитие было прервано событиями 1917 года и установлением в Советском Союзе тоталитарной диктатуры, лишь на словах признававшей наличие у советских граждан права на свободу передвижения, а в реальности полностью отрицавшей его. Поэтому оформление института права на свободу передвижения становится возможным только с падением Советского Союза и возникновением в Российской Федерации социальных, экономических, политических и юридических предпосылок для перехода от тоталитаризма к демократии. Такие предпосылки были заложены в первую очередь Конституцией Российской Федерации 1993 года, провозгласившей в п. 1 ст. 1

Конституции России правовым, демократическим, федеративным государством с республиканской формой правления [10].

Не вызывает сомнений наличие тесной связи, существующей между демократией, предполагающей в числе прочего приоритет прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ), и свободой передвижения, принадлежащей каждому человеку [11]. В самом деле, построение открытого гражданского общества, основанного на свободе всех его членов, невозможно без признания и последовательной реализации свободы передвижения, которая, как представляется, принадлежит, наряду с правом частной собственности, к числу краеугольных камней, на которых базируется демократия и свобода в современном мире.

Между тем указанное обстоятельство не получило надлежащего освещения в юридической и социально-философской литературе, справедливо подчеркивающей значение частной собственности как средства обеспечения человеческой свободы, но при этом упускающей из виду второе основополагающее ее проявление, выражающееся в возможности свободно, по собственной воле и без каких-либо ограничений перемещаться в пространстве. Так, по словам В.А. Четвернина: «Свобода и собственность – в сущности одно и то же. Свобода человека возможна только в обществе, в котором сложился институт собственности, т.е. такой порядок отношений, при котором ресурсы жизнедеятельности присваиваются, ... господство права, доминирование социальных институтов правового типа возможно только там, где примерно 2/3 членов общества

способны обеспечивать себе благополучие (по стандартам данного общества) по правилам правовой свободы, и примерно половина из них владеет объектами собственности, доходы от которых позволяют не работать по найму» [12].

Между тем в России право частной собственности получило развитие достаточно поздно: так, согласно широко распространенному мнению, сама соответствующая категория впервые появляется лишь во второй половине XVIII в. [13], а именно в «Наказе» Екатерины II, датированном 1767 г. [14]. Однако и впоследствии данное право не имело надлежащих правовых гарантий, не будучи снабжено практически никакой защиты от произвольного вмешательства со стороны государства.

Не случайно Р. Пайпс, давший в своих работах развернутый и обстоятельный анализ причин кардинального расхождения путей цивилизационного развития России и Западной Европы, пишет, что «никакое другое отдельно взятое обстоятельство из тех, что воздействовали на ход российской истории, не дает лучшего объяснения, почему политическое и экономическое развитие страны уклонилось от пути, которым следовала Европа, ибо это означало, что в эпоху абсолютизма в России, в отличие от большинства западноевропейских стран, не оказалось частной собственности, способной послужить преградой монаршей власти» [15]. Аналогичную точку зрения высказывает и А.Э. Черноков, по словам которого: «Только обладание реальным имуществом ставило человека в менее зависимое положение перед властью по сравнению с не-

собственниками. Полноправных собственников, свободно распоряжавшихся своим имуществом, было (в России, – Э. Г.) не так уж много» [16].

Прочитываемые высказывания не вызывают существенных замечаний. Вместе с тем хотелось бы добавить, что одна лишь частная собственность, при всей ее важности, не является достаточной гарантией свободы человека в обществе. В самом деле, свободным (в том числе с формально-юридической точки зрения) лицо может считаться лишь постольку, поскольку оно обладает гарантированной юридически возможностью свободного перемещения. Рискнем предположить, что частная собственность, даже логически, сама по себе не создает с необходимостью потребности человека в свободе перемещения. Скорее она привязывает собственника к занимаемому ею месту, создавая в сознании лица, являющегося собственником, психологическую и культурную оппозицию «своего – чужого», где «свое» соотносится с местом, занимаемым собственником в пространстве [17]. В справедливости сказанного можно убедиться уже на примере животных, метящих «свою» территорию, охраняя ее от вторжений извне [18].

С учетом всего сказанного можно сделать вывод о том, что право на свободу передвижения, наряду с правом частной собственности, принадлежит к числу тех фундаментальных оснований, на которых зиждется человеческая свобода, в том числе свобода в социальной жизни. Не случайно право на свободу передвижения, относящееся к числу так называемых естественных (или личных) прав и свобод чело-

века [19], получило свое признание не только в конституционно-правовых нормах внутригосударственного российского права (ст. 27 Конституции РФ) [20], но и в нормах международного права, где данное право «закрепляется во всех основных международно-правовых актах, посвященных правам человека» [21].

Данное обстоятельство, в свою очередь, ставит проблему отраслевой принадлежности правового института права на свободу передвижения и соотношения в нем различных правовых норм. При этом под институтом права на свободу передвижения имеется в виду упорядоченную совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих правоотношения, возникающие в процессе реализации субъектами принадлежащего им права на свободу передвижения. Сформулированное определение в целом вытекает из общетеоретической трактовки категории правового института, под которым традиционно принято понимать «объективно обособившееся внутри одной отрасли или нескольких отраслей права совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих небольшую группу видовых родственных отношений» [22].

Следует, впрочем, оговориться, что вопрос об объективном характере правовых институтов (равно как и других структурных подразделений в рамках системы права вообще и российско-го права в частности) отнесен в теоретико-правовой литературе к числу дискуссионных и имеет далеко не столь однозначное решение, как может показаться на первый взгляд. Определенной поддержкой среди теоретиков пользуется и другая точка зре-

ния (высказанная впервые В.К. Райхером) [23], согласно которой система права и ее институты представляет собой чисто доктринальное обобщение нормативного материала, используемое исключительно с научными целями.

Так, по словам А. В. Мицкевича, юридическая конструкция система отраслей права [24] «служит прежде всего основой изучения *закономерной для данного общества структуры права*, причем структуры его содержания, абстрактно сформулированных правовых норм, а не воспроизведения текста нормативных актов законодательства... Поэтому понятие “система права” и у нас, и за рубежом есть не что иное, как доктринальная *научная категория*, которой должна следовать (но далеко не всегда следует) *законотворческая практика и система законодательства*» [25].

Представляется, что в целом ряде аспектов с высказанной точкой зрения вполне можно согласиться. В частности, это касается нетождественности понятий «система права» и «система законодательства», в свою очередь, логически вытекающей из нетождественности феноменов объективного права как нормативного регулятора поведения и позитивного права, являющегося одним из исторически сложившихся способов внешнего выражения и закрепления существующих в обществе норм [26]. Однако столь же очевидно, что и юридическая наука, доктрина, также представляет собой лишь один из возможных способов закрепления юридических норм, система которых существует объективно и выступает одним из проявлений системности, присущей само-

му обществу как упорядоченной совокупности различного рода социальных субъектов (людей, их коллективов, организаций и т.п.) и связей между ними [27]. Следовательно, и регулирующие данные отношения юридические нормы, как справедливо отмечает Ж.- Л. Бертельс, «это не нормы, оторванные и не зависящие друг от друга. Они взаимодействуют друг с другом в определенном порядке, группируются, образуют свою иерархию» [28].

Иными словами, в основе организации правовых институтов (включая и институт свободы передвижения) лежат те многообразные и взаимно обуславливающие друг друга социальные связи, которые складываются, развиваются и видоизменяются в обществе в процессе его исторического развития. Благодаря этому как само право в объективном смысле, так и все его институты представляют собой не хаотичный набор различных норм, закрепленных в разновременные принятых в законах и иных источниках, а органическое единство, целостность которого вполне сопоставимо с целостностью живых организмов [29].

Свидетельством такой органической целостности является присущее системе объективного права свойство равновесности, означающей, по словам С.С. Алексеева, «нацеленность права на то, чтобы утвердить в жизни людей принцип эквивалентности, равного несения при равных условиях бремени ответственности, приоритета договорного метода во взаимоотношениях субъектов, состязательности и в других юридических категориях – всего того, что ... охватывается понятием “справедливость”» [30]. Впрочем, на наш взгляд,

равновесность права как социального регулятора имеет не только внешнефункциональное назначение, позволяющее праву регулировать общественные отношения, строя их на началах равенства, эквивалентности, состоятельности и т.п.

Не менее важным является и, если можно так выразиться, внутрифункциональный аспект равновесности права, проявляющий себя в том, что, подобно любому другому организму, система права обладает способностью к динамическому поддержанию своего внутреннего состояния, или, иначе говоря, *гомеостазом* [31]. Эта гомеостатичность права как системы не только обеспечивает его внутреннюю стабильность и упорядоченность структурных звеньев различных уровней, но и является необходимым условием существования общественного порядка, создаваемого правом.

Из всего сказанного, в свою очередь, напрашивается вывод о том, что, если система права, рассматриваемая в целом, представляет собой своего рода «живой» организм, то органами этого организма являются разнообразные правовые институты, объединяющие в себе нормы различной отраслевой принадлежности. Именно правовой институт (в отличие от отраслей права, выделение которых осуществляется со значительной долей условности, доказательством чему служит, безуспешная дискуссия о критериях отраслевой дифференциации системы права, ведущаяся на протяжении целого ряда десятилетий) выступает органически присущим системе права структурным звеном, в то время как отрасли скорее являются структурными единицами системы законодательства, выде-

ляемыми в целях большего удобства организации нормативного материала [32].

Вот почему едва ли целесообразно говорить о существовании в рамках системы права отраслевых и межотраслевых институтов, как это делают многие теоретики [33]. В самом деле, любой правовой институт включает в себя нормы самой различной отраслевой принадлежности, ярким примером чему может служить такой, казалось бы, сугубо отраслевой институт, как право собственности, включающий в себя нормы международного, конституционного, гражданского, административного, уголовного, процессуального и ряда других отраслей права [34].

Подобная комплексность, интегративность, присущая всем без исключения правовым институтам, включая и институт свободы передвижения, отмечалась некоторыми юристами. Так, в частности, по словам Ж. – Л. Бержеля: «Использование теории институтов позволяет провести учет всех разрозненных элементов одного и того же юридического феномена. Так оказываются собранными вместе административные, налоговые правила, правила общественной жизни, правила ведения торговли или правила заключения брака; в этих правилах присутствуют все аспекты лица, все имущественные аспекты; эти правила, объединяясь, формируют обязанности и соответствующие гражданские или уголовные санкции... Только понятие юридического института помогает собрать в единый комплекс многочисленные грани одного и того же социального явления и соответственно лучше его понять» [35]. Среди российских юристов широкого понима-

ния правовых институтов придерживался, в частности, О.С. Иоффе, рассматривавший в качестве институтов любые элементы системы права и их объединения, начиная с самой этой системы и заканчивая отдельными юридическими нормами [36].

Рассмотренная особенность правовых институтов, на наш взгляд, связана с тем, что они, как и любые иные нормативные образования, вырастают из регулируемых ими отношений, а также из тех субъективных прав и обязанностей участников данных отношений, которые как историко-генетически, так и формально-логически предшествуют нормам объективного права, являясь их социальной предпосылкой. Сказанное имеет прямое отношение к институту свободы передвижения.

Вместе с тем объективная потребность в признании и защите свободы передвижения, естественно присущей всякому человеку, требует закрепления данного права в общеобязательных нормах, причем, учитывая универсальный характер соответствующего субъективного права, указанные нормы входят в состав не только внутрисударственного, но и международного права. В этой связи приобретает особое значение проблема соотношения внутрисударственных и международно-правовых норм в институте свободы передвижения.

О комплексном межотраслевом характере института свободы передвижения свидетельствует даже самый беглый обзор основных внутрисударственных и международно-правовых нормативных актов, в которых получило своё закрепление соответствующее субъективное

право. Так, наиболее ранним по времени законом, специально посвященным гарантиям права российских граждан на свободу передвижения, являлся Закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 28.12.2013 № 387-ФЗ) [37].

Среди международно-правовых актов, действующих в Российской Федерации и являющихся в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью ее правовой системы, следует в первую очередь выделить Римскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, закрепляющую данное право в ст. 2 [38]. Свобода передвижений для дипломатических работников гарантирована ст. 34 Венской конвенции о консульских сношениях [39]. В числе актов, содержащих в себе нормы международного права, посвященные свободе передвижения, следует также упомянуть некоторые соглашения Российской Федерации с иностранными государствами, а именно: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (заключено на о. Корфу 24.06.1994) [40], Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 24.01.2006 «Об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях го-

сударств - участников Союзного государства» [41], Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об упрощении визовых формальностей для граждан Российской Федерации и граждан Соединенных Штатов Америки (Заключено в г. Москве и г. Вашингтоне 01.11.2011 - 19.11.2011) [42] и некоторые другие акты.

Как уже упомянуто было ранее, право на свободу передвижения закреплено в ст. 27 Конституции РФ и некоторых федеральных конституционных законах, в том числе ст. 43 Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» (в ред. Федерального конституционного закона от 24.04.2008 № 1-ФКЗ) [43]. Одновременно порядок и условия ограничения права на свободу передвижения регламентированы, в частности, ст. 11 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ от 07.03.2005) [44] и в ст. 7 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. Федерального конституционного закона от 28.12.2010 № 8-ФКЗ) [45].

Конституционное право на свободу передвижения развивается также в ряде кодифицированных законодательных актов, в частности в ст. 150 ГК РФ [46], ст. 96 УИК РФ [47] и ст. 5 УПК РФ [48]. Применительно к отдельным категориям граждан и иных физических лиц оно конкретизируется в ст. 11 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской

Федерации» (в ред. Федерального закона от 28.12.2013 № 390-ФЗ от 28.12.2013) [49], ст. 6 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в ред. Федерального закона от 03.02.2014 № 7-ФЗ) [50], ст. 14 Федерального закона от 07.02.2014 № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. Федерального закона от 03.02.2014 № 7-ФЗ) [51] и ряде других нормативно-правовых актов.

Таким образом, уже из этого (далеко, впрочем, не полного) перечня нормативно-правовых актов становится очевидным, что институт свободы передвижения включает в себя нормы самой различной отраслевой принадлежности. При этом нормативное ядро рассматриваемого института образуют международно-правовые и конституционно-правовые нормы. В данной связи возникает вопрос об их соотношении по юридической силе, в настоящее время не имеющий вполне удовлетворительного решения. С одной стороны, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает принцип примата международно-правовых актов, что позволяет ряду ученых говорить о безусловном примате указанных актов над всеми без исключения актами национального законодательства, в том числе и Конституцией РФ [52]. С другой стороны, многие авторы полагают, что примат международного права не распространяется на конституционно-правовые акты Российской Федерации, обладающие большей юридической силой [53].

Выводы. Представляется, что наиболее приемлемое и корректное с юридической точки зрения решение данной проблемы состоит в том, что приматом над актами национального конститу-

ционного права обладают не все международно-правовые акты, а лишь те, которые устанавливают гарантии признания и защиты основных прав и свобод человека и гражданина (в том числе и права на свободу передвижения). Учитывая сказанное, можно, следовательно, согласиться с утверждением, согласно которому «в сфере международной политики, межгосударственных взаимоотношений следует руководствоваться идеей незыблемости суверенитета как базового принципа, закрепленного Конституцией. Однако во всем, что касается прав и свобод человека и гражданина, суверенитет отдельно взятого государства должен согласовываться с международным правом и – через посредство последнего – с “естественным” правом, выступающим первичным источником прав и свобод человека и гражданина» [54].

Такой вывод напрашивается не только из упомянутой выше ч. 4 ст. 15, но и из ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод, закрепление которых в актах международного права, следовательно, предполагает примат этих актов и содержащихся в них норм над нормами конституционного права того или иного государства, в том числе и Российской Федерации.

Литература:

1. См., в частности: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.
2. О демократической организации древнерусских городов-государств см. подробнее: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство / Под ред. Г.И. Курбатова, Э.Д. Фролова, И.Я. Фроянова. Л., 1986. С. 227-253.
3. См. об этом, в частности: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: русский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). В 2 т. СПб., 2000 и др.
4. См. подробнее: Петкевич К. Казацкое государство // Раннее государство: его альтернативы и аналогии / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 280 и след.
5. См. подробнее: Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1998.
6. О правовом нигилизме и его предпосылках см.: Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. 1989. № 10. С. 20; Горохов П.А. Социальная природа правового нигилизма. Оренбург, 1998; Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 3. Государство, право, общество. М., 2007. С. 472-480.
7. См.: Хойман С.Е. Взгляд на правовую культуру предреволюционной России // Государство и право. 1991. № 1; Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52; Руденкин В.Н. Традиция правового нигилизма в русской политической культуре. Екатеринбург, 1995 и др.
8. Режим законности в современном российском обществе. Монография / Под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2004. С. 69 (автор раздела – А.Э. Черноков).
9. Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 76.
10. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12. 12. 1993). В ред. Федеральных конституционных законов от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ и от 05.02.2014 № 2–ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
11. См. подробнее: Лупенко И.Ю. Понятие и элементы специального правового статуса мигрантов // Миграционное право. 2013. № 4; Поярков С.Ю. Ценностные основания идеологии российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6; Пузанов И. Крепостное право. Новая версия // ЭЖ-Юрист. 2013. № 14; Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3; Короткова О.И. Формирование правового государства и обеспечение верховенства закона // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5 и др.
12. Четвернин В.А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009. С. 44. См. также: Сапов В.В. Социальная философия. М., 2003. С. 259-260.
13. См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 327.
14. См.: Екатерина II. Наказ, данный комиссии о составлении проекта нового уложения (1767) // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. Сборник документов. М., 2000. С. 37-109. С другой стороны, однако, гипотезе об отсутствии в России целого ряда правовых институтов, имеющих смысл лишь в контексте существования данного права. Речь идет, в частности, об институте приобретательной давности, который возникает еще в XIII в. и юридически зафиксирован, в Псковской судной грамоте (XV в.). См., например: Щенникова Л.В. Институт приобретательной давности в России (законодательная конструкция и проблемы правоприменения) // Законодательство. 1999. № 10.
15. Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 235-236.
16. Режим законности в современном российском обществе. С. 79.
17. См. об этом, в частности: Пивоев В.М. «Свое» и «Чужое» в культуре // «Свое» и «Чужое» в культуре народов Европейского Севера. Тезисы докл. межвуз. науч. конф. / Отв. ред. В.М. Пивоев. Петрозаводск, 1997. С. 5-7; Зусман В.Г. Свое и чужое как концепт культурологии // Межкультурная коммуникация / Под ред. В.Г. Зусмана. Нижний Новгород, 2001. С. 242-243; Завершинская Н.А. Оппозиция «своего» и «чужого» в современной культуре // Вестник Новгородск. гос. ун-та. 2004. № 27. С. 41-47 и др.

18. См. подробнее об этом: Германов А.В. От пользования к владению и вещному праву. М., 2009.
19. См., в частности: Рудинский Ф.М. Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан. Дис. ... д.ю.н. М., 1980; Толкачев К.Б. Теоретико-методологические основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина. Дис. ... д.ю.н. СПб., 1998; Антипова Г.В. Система личных прав человека: конституционно-правовой аспект. Дис. ... к.ю.н. М., 2002; Солонченко И.В. Конституционно-правовая концепция содержания личных прав и свобод в Российской Федерации. Дис. ... к.ю.н. Ростов н/Д., 2004 и др.
20. См.: Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. Изд. 4-е, перераб. и доп. Т. 1. М. 2010. С. 708-712.
21. Саликов М.С. Свобода передвижения, выбора места пребывания и жительства // Права человека. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.С. Алексеев. М., 2013. С. 324.
22. Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Изд. 3-е, перераб. и доп. Т. 2. Право. М., 2007. С. 575 (автор раздела – И.Н. Сеникин).
23. См.: Райхер В.К. О системе права // Правоведение. 1975. № 3. С. 65-70.
24. Понятие правовых конструкций подробно рассмотрено в ряде работ отечественных теоретиков (С.С. Алексеева, Н.Н. Тарасова, В.А. Сапуна и др.), мнению которых мы и следуем в данном вопросе. См.: Тарасов Н.Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3. С. 27-36; Он же. Методологические проблемы современного правоведения. Дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2002. С. 302; Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. Дис. ... д.ю.н. Н. Новгород, 2002; Алексеев С.С. Государство и право // Алексеев С.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 8. Учебники и учебные пособия. М., 2010. С. 214.
25. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999. С. 336-337 (автор раздела – А.В. Мицкевич).
26. См. подробнее: Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998. С. 27-32.
27. См. подробнее: Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980; Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001.
28. Бергель Ж. – Л. Общая теория права. М., 2000. С. 313-314.
29. См. подробнее об этом: Разуваев Н.В. Отраслевая дифференциация системы права: эволюционный подход // Правовая система России: Реалии и проблемы модернизации. Сб. науч. статей / Под общ. ред. А.А. Старовойтова. СПб., 2012. С. 93-102.
30. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия... С. 243.
31. О гомеостатичности биологических систем см. подробнее: Cannon W. B. Physiological regulation of normal states: some tentative postulates concerning biological homeostatics // A Charles Richet: ses amis, ses collègues, ses élèves. Paris, 1926. P. 91; Idem. Organization For Physiological Homeostasis // Physiological Review. 1929. № 9. P. 399 – 431; Idem. The Wisdom of the Body. New York, 1932.
32. См.: Разуваев Н.В. Указ. соч. С. 101-102.
33. См.: Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. С. 575.
34. См.: Право собственности: Актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М., 2008. С. 10-26.
35. Бергель Ж. – Л. Указ. соч. С. 317-318.
36. См.: Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14. С. 51. См. также: Васильев В.В. Гражданско-правовой институт в системе гражданского права // Алтайский юридический вестник. 2013. № 2. С. 37.
37. ВСНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227; СЗ РФ. 2013. № 52. Ч. 1. Ст. 6952.
38. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04. 11.1950. Вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // СЗ РФ. 2001. Ст. 163.
39. Венская конвенция о консульских сношениях. Заключена в г. Вене 24.04.1963 // ВВС СССР. 1989. № 9. Ст. 61.
40. СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1802.
41. СЗ РФ. 2009. № 12. Ст. 1371.
42. СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4987.
43. СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; 2008. № 17. Ст. 1754.
44. СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2005. № 10. Ст. 753.
45. СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375; 2011. № 1. Ст. 1.
46. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Утв. Федеральным законом от 30.11.1994 № 51-ФЗ. В ред. от 02.11.2013 № 302-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32; 2013. № 44. Ст. 5641.
47. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Утв. Федеральным законом от 08.01.1997 № 1-ФЗ. В ред. Федерального закона от 03.02.2014 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2014. № 6. Ст. 558.
48. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Утв. Федеральным законом от 18.12.2001 № 174-ФЗ. В ред. Федерального закона от 03.02.2014 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 21; 2014. № 6. Ст. 558.
49. СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2013. № 52. Ч. 1. Ст. 6955.
50. СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331; 2014. № 6. Ст. 558.
51. СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2014. № 6. Ст. 558.
52. См., в частности: Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Основы теории конституционного права. М., 2005. С. 132.
53. См., например: Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия // Государство и право. 1996. № 2. С. 4-5; Тихомиров Ю.А. Международно-правовые акты: природа и способ влияния // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 18; Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. № 5325 (246) и др.
54. Ответственность государства перед частными лицами (опыт комплексного исследования). В 2 т. / Отв. ред. Л.И. Антонова. Т. 1. Обязательства государства по возмещению вреда, причиненного частным лицам. СПб., 2012. С. 54 (автор раздела – Н.В. Разуваев).